

МИСТИКА И ХОРРОР

ТО, ЧТО ВНУТРИ ТЕБЯ

НЕ ДАЙ ЕМУ СБЕЖАТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КЛЭР ВИРГО

18+

Клэр Вирго

То, что внутри тебя

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Клэр Вирго

То, что внутри тебя / Клэр Вирго — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Павел случайно пропускает поезд и оказывается в странном месте, откуда, как ему говорят, нет выхода. Но что если это не так? Что если выход там же, где и вход? И кто такой, черт возьми, Летописец? Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	5
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Клэр Вирго

То, что внутри тебя

1

– Да, мам, я понял. Постараюсь приехать.

– Ты только это... не грусти. Бабушка все-таки уже старенькая была, да и опухоль... Ты же знаешь.

– Мам, ну я же не маленький, все понимаю. Ладно, мне пора.

Павел с облегчением повесил трубку. Он был даже рад, что мама ошиблась, думая, будто он переживает. На самом деле он бабушку терпеть не мог с самого детства. А голос... Совсем не печальный, усталый просто. Уже несколько дней Павла мучила бессонница. Что он только ни делал, все без толку. Засыпал буквально на пятнадцать минут и просыпался, потому что снились какие-то мутные сны, слишком похожие на начало кошмара.

А еще от недосыпа стало чудиться всякое. В темноте и тишине ночи будто слышались чужие голоса, скользили неясные тени. Звуки, которые раздавались порой, не были похожи ни на что знакомое. И с каждым днем становилось хуже. Теперь виделось что-то странное и при свете дня. Надо бы к доктору, да все некогда.

Решив ехать на похороны на поезде, он преследовал конкретную цель – надеялся, что под мерный стук колес все-таки удастся поспать. В детстве это всегда срабатывало.

На перроне народу было много. Перед Павлом девушка пыталась втащить на ступеньку огромный чемодан.

– Давайте помогу. – Он подтолкнул снизу, и девушка втянула багаж в тамбур. – Павел, – представился и улыбнулся.

– Ольга, – ответила она и смущенно опустила глаза. – Спасибо.

– Да не за что.

Она еще что-то пробормотала, странно посмотрев на него, но слов он не разобрал. И бормотала все время, пока они шли к своим местам. «Странная какая-то». Павел пожал плечами. В конце концов, какое ему дело? Завтра утром сойдет с поезда и никогда больше ее не увидит.

Оказалось, что они едут в одном купе на соседних верхних полках. Павел помог Ольге водрузить чемодан на багажную полку, закинул рюкзак на свою и с наслаждением вытянулся. На его счастье, полка была уже застелена.

Он огляделся: повсюду витала незаметная аура советского поезда. Бегали дети, несмотря на поздний час, кто-то громко смеялся, чувствовались запахи домашних котлет, пива и сушеной рыбы... Столько лет прошло, а ничего не изменилось.

Однако заснуть так и не удалось. Мешали то ли непривычная, почти забытая обстановка, то ли богатырский храп соседа снизу, то ли мелькание станционных фонарей в окнах, то ли духота в вагоне, несмотря на март снаружи... И даже покачивание не помогало расслабиться.

Павел закрыл глаза в надежде, что организм возьмет свое, и вдруг услышал неясное бормотание, которое становилось все громче. Посмотрел на Ольгу и отшатнулся. Она явно спала, но глаза были открыты и будто подернуты какой-то белесой дымкой, а с губ слетали слова-песнопения. Разобрал лишь пару слов, что-то о черном лесе. Она словно молитву читала. «Или заклинание», – подумал Павел и одернул себя. Ну какое заклинание? Дьявола, что ли, вызывает? Ага, в поезде самое место.

Он протянул руку, пытаясь потрясти Ольгу за плечо и разбудить, но в этот момент поезд качнулся, и Павел чуть не упал с полки. Девушка внезапно схватила его за плечо и громко прошептала: «Летописец, скоро придет твое время!»

Испугавшись, прыгнул на пол, нашарил обувь, накинул куртку и пошел к тамбуру. Вспомнил, что наушники остались дома. Сейчас они бы очень помогли. Достаточно было бы повернуться лицом к стене, и все. Может, у проводника есть?

Около бойлера стояла такая жара, что Павел еле подавил желание оставить куртку в вагоне.

– Нет, наушников нет. Есть кофе, чай, кроссворды. Даже шахматы. На станции в ларьке спросите. Стоять долго будем, успеете.

Павел приободрился и все время до остановки наслаждался в тамбуре относительной тишиной. Сна ни в одном глазу.

2

Станция была объята туманом, что наползал со стороны полей, все ближе подбираясь к небольшому городку. Павел прыгнул с подножки вслед за проводником и направился к ларькам, подсвеченным тусклыми лампочками.

– Стоянка полчасика, – услышал позади, кивнул не оборачиваясь и ускорил шаг.

Из восьми ларьков работали только три. Он отказался от предложенных в первом играль-ных карт. Во втором заспанная дородная тетка, дыхнув перегаром, послала его по известному адресу. В третьем молоденькая продавщица виновато пожала плечами, а потом просияла.

– У меня дома есть.

– Так поезд...

– Он долго стоит, а мы быстренько сбегает. Тут минуты три всего идти.

Говоря все это, она вышла из ларька и собралась его закрыть, а потом вопросительно посмотрела. Павел оглянулся на поезд – тот стоял и трогаться не собирался. Пожал плечами и неуверенно кивнул.

Девушка щелкнула замком и быстрым шагом направилась к домам. Городок спал, туман уже стелился под ногами, скрывая разбитый асфальт.

По ощущениям они шли гораздо дольше трех минут, петляли между домами, уходя все дальше от станции. Он боялся спросить из вежливости, долго ли еще, как вдруг услышал хриплое бормотание диспетчера. Оглянулся и вдалеке увидел отходящий поезд. Павел заозирался и застыл в растерянности: девушки нет и в помине, а он стоит посреди абсолютно пустынной улицы по колено в тумане. Ни в одном доме не горит свет, только где-то жалобно скрипит калитка. И что теперь делать? Денег в кармане кот наплакал, документы остались в рюкзаке, который преспокойно лежит в поезде, а телефон... Павел вытащил аппарат: темный экран подсказал, что тот сел окончательно и бесповоротно. Накатила паника. Он закричал, и крик эхом прошлепал по улице. Ни в одном доме свет так и не зажегся...

Некстати в голову полезли воспоминания из детства. Наверное, потому, что было темно и тихо. Точно как в его комнате...

– Папочка, не надо, пожалуйста!

– Сам виноват, гаденыш! Будешь знать, как отца не слушаться!

Первый удар пришелся по щеке, и в голове зазвенело. Маленький Павлик зажмурился, но второго удара не последовало. Он тихонько приоткрыл один глаз и увидел, как мама бросилась наперерез отцу, а тот схватил ее за волосы, крича:

– Тварь, всю жизнь мне испортила! Если бы не ты и твой выблядок, я бы сейчас академиком был. Все вы, гады, виноваты.

Отец орал, продолжая бить мать, а Павлик забился в дальний угол, немигающими глазами глядя на разворачивавшееся перед ним действо. Этот случай был не первым, и мальчик был уверен, что не последним. Пьяный отец переставал себя контролировать, а пьяным он теперь был почти постоянно.

Однажды мама набралась смелости и вызвала милиционеров. Отца забрали, а потом поместили в психиатрическую больницу. Папе на тот момент исполнилось десять. Мама пыталась что-то объяснить, но он сказал, что все понимает. Мама извинялась, говорила, что не хотела, чтобы так вышло. Через два месяца, когда стало ясно, что мужу ничего не поможет, подала на развод. Сказала, что не хочет иметь ничего общего с этим человеком.

Как ни странно, но Павел не винил отца. Он винил алкоголь. Помнил, что когда-то папа был другим: дарил игрушки, водил в парк и на аттракционы. Они вместе ловили рыбу, а потом жарили ее на костре, ходили в походы с ночевкой, где рассказывали страшные истории на

ночь. Именно с тех пор страшилки стали его любимыми «сказками». А когда отец стал пить, других сказок и не осталось. И по сравнению с тем, что творилось дома, любые страшилки были добрыми.

Он прекрасно помнил, как по ночам часто просыпался от стука в стекло. Сначала пугался спросонья, а потом понимал, что это ветка тополя, росшего под окном. Он наблюдал за игрой света и тени, представлял, что темнота – его лучший друг и играл с ней в прятки. Иногда сон так и заставлял его в шкафу или под кроватью. Зимой было еще интереснее. Снегопад превращал все вокруг в нечто нереальное, а фигуры людей – в призраков. Но и тогда он не боялся. Реальность была куда страшнее выдуманных чудовищ.

Со временем он стал сам придумывать страшилки и даже записывать их в отдельную тетрадку. Однажды ее нашла бабушка, прочитала и долго смеялась. «То же мне, писатель!» – сказала она. В этот момент у Павлика впервые проклюнулись ростки ненависти к этой женщине.

А еще он очень любил играть с игрушечным поездом. Это был подарок отца, еще до всей этой истории с пьянством и психбольницей. Он смотрел, как поезд бежит по пластмассовым рельсам, горят огни, раздается гудок... Павлик представлял, что он внутри вагона, там тепло, светло и совсем не страшно.

Он рос, мама работала, пыталась дать сыну все необходимое и поэтому пропадала на работе. А Паше приходилось сидеть с незнакомыми женщинами, приходящими нянями, какими-то дальними родственницами. Те иногда приводили с собой своих отпрысков, оставляли детей играть, а сами смотрели кино или сериалы. Ни одной из них не было дела до молчаливого мальчика, который не доставлял особых хлопот, просто тихо играл, читал или что-то писал в потрепанной тетрадке. Да и ему было плевать на этих теток. Он сам вполне мог о себе позаботиться: сделать уроки, помыться, разогреть еду, которую мама оставляла для него в холодильнике. Другие дети ему были не нужны. Более того, они ему мешали. Поэтому он часто читал им свои страшилки, дети пугались и убегали к мамам. А Павел был рад, что его оставили в покое.

А вот оставаться с бабушкой он терпеть не мог. То, как она посмеялась над его рассказами, навсегда запечатлелось в памяти. А еще она почти всегда приводила с собой другого внука – сына старшей дочери. Избалованный, болезненный мальчик ни на минуту не оставлял Пашу, постоянно чего-то требовал, а если не получал – угрожал пожаловаться бабушке. Угроз Паша не боялся, поэтому делал все, чтобы двоюродный брат больше не приходил. И вот однажды рассказал ему самую страшную свою историю. Тот сильно испугался и даже описался, а потом с плачем побежал к бабушке. Та устроила Паше выволочку, провела воспитательную, как ей казалось, беседу, а потом сказала, что такое поведение заслуживает наказания. Достала коробку с игрушечным поездом и железной дорогой и отдала – подарила! – брату. Как ни кричал Павел, как ни требовал вернуть игрушку, как ни просил – все бесполезно, бабушка была непреклонна.

С того самого дня Павел возненавидел ее всей душой. С годами это чувство не прошло, лишь усилилось. Потому что бабушка никогда не считала, что поступила тогда жестоко. Наоборот, всегда вспоминала тот случай и говорила, что это судьба наказала Павла.

И вот теперь он стоял и смотрел на уходящий поезд. Его поезд! Если бы не оставшиеся в нем вещи, и не переживал бы даже. Не помри бабка (наказание и ее настигло!), не оказался бы в этой глуши. А может, судьба? Может, не стоило ему ехать? Кто знает, но из этой передраги теперь надо как-то выбираться.

Павел огляделся: вокруг ни души, дома словно призраки, пустынно, как на кладбище в полночь. Он поежился. Решил, что вернется на вокзал, а там решит, что делать. Можно пере-

сидеть до утра – надежды, что кто-то работает круглосуточно, уже не было, – а потом попробовать купить билет или хотя бы найти зарядку для телефона.

Он уже пошел по улице, как вдруг понял, что понятия не имеет, куда идти. Следуя за девчонкой из ларька, не смотрел по сторонам, думал только о том, чтобы найти наушники и наконец-то выспаться. Закрыв глаза, припомнил, где видел уходящий поезд и решительно зашагал по темным улицам.

Ни в одном из домов свет не горел. Промозглый ветер завывал в подворотнях, и Павел зябко повел плечами. Еще и крошево снежное посыпалось, словно зима решила вернуться. Где-то продолжала мерно скрипеть от ветра калитка, и звук этот словно стоял на месте, хотя Павел шел. По логике звук должен был удаляться или приближаться, но нет.

Павел поймал себя на мысли, что город не выглядит сонным. Мертвым – вот подходящее слово. Покосившиеся заборы, заколоченные дома. Дворы, поросшие бурьяном в человеческий рост. Глаза уже привыкли к темноте, да и луна изредка бросала свет из-за туч. Он шел уже долго, но никакого вокзала не наблюдалось. Постарался припомнить хоть что-то на пути, но в памяти сохранилось лишь облупленное здание станции, на котором даже не было названия, только темнели какие-то плохо различимые пятна, да ларьки, прижавшиеся друг к другу как кутята. Над ними горели тусклые лампочки – это он помнил точно. Потому привстал на цыпочки и постарался разглядеть эти фонари. Ничего. Беспросветная тьма. Туман, стелящийся по земле. И воздух, тяжелый, давящий.

Невдалеке в свете луны мелькнули рельсы. «Наконец-то», – подумал Павел и прибавил шаг. Но, дойдя до них, нерешительно замер. Ни платформы, ни здания вокзала, ни ларьков. Только старые заколоченные дома, стоявшие вдоль ржавых, заросших травой путей. Он даже присел и провел рукой – не показалось, рельсы и правда покрылись ржавчиной. По ним явно давно не ездили поезда. «Но как же...»

Додумать он не успел, внезапно услышав какой-то шум, и в надежде обернулся. Никого. Лишь вдалеке блеснул огонек. Приободрившись, Павел зашагал в ту сторону. Огонек приближался, хотя калитка все так же скрипела где-то рядом. Примерно через пятнадцать минут запыхавшийся Павел оказался у покосившегося дома, в окне которого мерцало слабое пламя. Как огонек свечи – а в том, что это свеча, сомнений не было, она стояла на окне – мог быть виден с такого расстояния, он уже не задумывался. Лишь открыл калитку, шагнул на крыльцо и постучал в дверь.

– Заходи, Летописец, – раздался скрипучий голос.

Павел поежился: точно так же его назвала девушка из поезда, которая лепетала что-то о черном лесе. Стало не по себе. Но на улице было слишком холодно и... как-то жутковато, поэтому он вошел и закрыл за собой дверь.

– Присаживайся, – послышалось из дальнего угла, скрытого тенью. В нем угадывалась фигура, но разглядеть лицо было невозможно. Первой мыслью было, что в доме старик, но силуэт был слишком массивным, да и голос не старческим, дребезжащим, а скорее хриплым, словно человек простужен.

Павел сел на единственный стул и увидел, что перед ним стоит тарелка с исходящим паром хлебом. Только сейчас понял, что проголодался. В доме приятно пахло выпечкой, было очень тепло, поэтому он стянул куртку, оставшись в одной рубашке. После холода улицы кожу приятно покалывало.

– Голоден? – Хозяин дома словно угадал мысли. – Угощайся.

Пока Павел отламывал куски горячего хлеба и запихивал в рот, запивая молоком, стоявшим тут же, незнакомец молчал. А гость, наплевав на все правила приличия, громко прихлебывал и громко дышал через рот, когда попадался особенно горячий кусок. Насытившись, откинулся на спинку и осоловело прикрыл глаза. Бессонница, донимавшая его последние дни,

внезапно куда-то исчезла. Павел точно знал, что, засни он сейчас, выпится как младенец. И он уже было закрыл глаза, как вновь услышал голос хозяина дома.

– Я давно тебя жду.

– Меня? – непонимающе повторил Павел.

– Этот город – ловушка для таких, как ты.

– Каких?

– Это тюрьма. Попавший сюда не вернется. – Из угла слышалось хихиканье, от которого мурашки побежали по коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.